

применяемой у нас методологии. В математически сложных вещах еще можно сомневаться, достаточна или нет эта методология. Но там, где математика не представляет трудностей, а самая конструкция оказывается центральной по своей значимости (а таковы именно и есть арифметические действия), там яснее всего ценность или применимость данной методологии.

Перейдем теперь к самому предмету.

§ 116. Сложение и вычитание^{14*}

1. *Сложение и вычитание* характеризуются прежде всего *равноправием моментов*, из которых они состоят. В то время как, напр., в умножении существенной и основной темой является множимое, множитель же только повторяет множимое известное число раз и в результате появляется опять-таки прежнее же множимое, хотя и в несколько раз увеличенное,— в сложении и вычитании нет такого неравенства смыслового содержания чисел, и последние здесь существенно равноправны. Если сумма складывается, напр., из трех слагаемых, то все три слагаемые хотя и могут отличаться между собою чисто количественно, но это различие не идет дальше чистой количественности. Эти слагаемые как бы лежат на одной плоскости; и процесс сложения только в том и заключается, чтобы взять эти слагаемые вместе, взять в таком виде, как они даны, применивши к каждому из них совершенно одинаковый метод. В умножении множимое и множитель входят с совершенно различным смысловым содержанием; множитель обозначает совсем не то, что обозначает множимое,—помимо уже чисто количественного их различия. Точно так же и в вычитании операция над числами происходит как бы на одной и той же плоскости. Можно сколько угодно складывать и вычитать; и все прибавляемые и вычитаемые единицы будут совершенно равноправны по своему смысловому и оперативному содержанию. Другими словами, сложение и вычитание *не переводят чисел в новое инобытие*, новое—по сравнению с теми их элементами, которые уже даны с самого начала.

В сложении и вычитании дано только основное, внутрисловое (если иметь в виду сумму) инобытие, без которого не мог бы осуществиться и самый счет, а именно чисто *количественное* инобытие (хотя самые слагаемые одно в отношении другого внешнеинобытийны). Никакого другого инобытия не требуется для сложения и вычитания чисел. Поэтому если понимать число и счет, необходимый для числа, как *тезис*, то сложение и вычитание не переходят ни в какой антитезис; и вся картина разыгрывается в пределах счетного тезиса.

2. Что же происходит в пределах этого числового и счетного тезиса и что *делается с этими равноправными числами*, из которых составляется сумма или разность?

а) Ясно, что сложение и вычитание, равно как и все прочие действия, суть некоторые функции числового смысла, которые надо называть *силами*, или *энергиями*. Сложение и вычитание есть прежде всего некий смысловой *акт*, *активная направленность* к определенному результату. В процессе складывания и вычитания мысль нечто *активно полагает*, активно разделяет и соединяет, суммирует. В этой активной

напряженности сложение и вычитание ничем еще пока не отличаются от прочих действий, но с этого общего положения необходимо начать. *Сложение и вычитание есть некая смысловая энергия.* Точнее сказать, все арифметические действия суть не смысловая энергия, но смысловое становление, как это дедуцировано выше в проблеме натурального ряда. Однако становление в данном случае, как мы уже знаем, конструирует только самую *категорию* арифметических действий. Конкретное же выполненное действие, напр. решенная задача, есть уже такое становление, которое определенным образом *стало* и в этом своем ставшем виде определенным образом оформилось. Тут уже переход на ту ступень, которую в общей диалектике мы именуем смысловой энергией.

б) Какая же это смысловая энергия? Это *не есть просто энергия счетной природы числа*, ибо, сосчитывая единицы в числе, мы не нуждаемся в понятии плюса или минуса, равно как и суммы или разности. С другой стороны, смысловая энергия, рождающая счет, налична и во всех других действиях. Нельзя также сказать, что это есть *энергия объединения или разъединения*. В умножении, напр., безусловно содержится элемент объединения единиц, полученных в результате увеличения первоначально заданного множимого. Решительно во всякой числовой операции счет, а след., объединение и разъединение единиц содержится или в чистом виде, или в виде некоторой своей модификации. Какая же разница между простым пересчетом единиц, напр. в 10, и между складыванием $6+4=10$?

с) Разница эта заключается в следующем. Когда мы просто считаем от 1 до 10, то, переходя от 6 к 7, мы совершенно не задаемся вопросом о том, можно ли присоединить к 6 еще одну единицу и перейти к 7. Необходимость и возможность этого перехода уже заранее обусловлена для нас самим понятием натурального ряда и понятием счета, который строится именно как постоянное и бесконечное увеличение любого числа на ту или иную единицу. Когда же мы складываем $6+4$, то при переходе от 6 к 7 мы необходимо ставим вопрос: можно ли в данном случае переходить от 6 к 7 и далее? Если стоит плюс, то такой переход возможен; если же его нет, то мы еще не знаем, к какому числу надо переходить и надо ли вообще переходить. Итак, плюс есть смысловая энергия числа, впервые делающая возможным переход от одной единицы к следующей за ней, т. е. внешней по отношению к ней.

д) Но почему факт перехода делается возможным? Он делается возможным потому, что в сложении мы *поставляем складываемые единицы на одной плоскости*, приравниваем путь пересчета единиц внутри одного числа к пути пересчета единиц внутри другого числа, *делая один путь продолжением другого пути*, хотя они внешне-инобытийны один в отношении другого. Мы ничего не меняем в самих складываемых числах, ни в их количественном содержании, ни в какой бы то ни было другой их интерпретации. И все-таки нечто новое мы устанавливаем, когда решаемся в вышеуказанном примере от 6 перейти к 7, чтобы совершить операцию $6+4=10$. Если это новое не касается ни количественной стороны чисел, ни их общей интерпретации, то оно может касаться только *места, взаимного положения* этих чисел, а именно мы

вдруг узнаём, что можно и нужно от 6 перейти к 7, от 7 к 8 и т. д. до 10. Но положение, или место, чего-нибудь не есть само это «что-нибудь». «Что-нибудь», или «нечто», находится «где-нибудь»; и чтобы находиться «где-нибудь», должно [быть] какое-нибудь иное, инобытие — в отношении того, что находится или помещается где-нибудь. Чтобы идти, должен быть путь, пространство, по которому можно было бы идти; и это пространство необходимо должно быть чем-то иным, а не самой вещью, движущейся по пространству, ибо иначе невозможно было бы и само движение. Стало быть, *знак «плюс» указывает на отождествление инобытия, по которому движется одно слагаемое, с инобытием, по которому движется другое слагаемое.*

е) Надо четко представлять характер функционирующего здесь инобытия. Инобытие налично как внутри самого числа, так и вне его. Есть ли то инобытие, которое необходимо сложению и вычитанию, внутри-числовое или вне-числовое? Когда мы складываем $6+4=10$, то о каком инобытии идет речь, когда мы мыслим себе шестерку? Мы тут пересчитываем единицы *внутри* самой шестерки и не нуждаемся в том, чтобы всю шестерку помещать в какое-то новое инобытие. Новое [ино]бытие дается отдельно и притом *внешне* в отношении первого. Иначе будет в умножении, где множимое как раз берется в виде неделимого целого и повторяется в новом инобытии, которое есть нечто внешнее в отношении самого множимого. В сложении речь идет пока о *внешнем* сопряжении инобытия слагаемых. Сначала берется внутреннее инобытие шестерки, т. е. ее счетная составленность из шести разных единиц и необходимость перехода внутри нее от *одной* единицы к *иной*, а от этой *иной* еще к дальнейшей *иной* и т. д. вплоть до шести. Затем то же самое берется и относительно другого слагаемого — четверки. И наконец, — это и есть самое главное — одна инобытийность (та, которая внутри шестерки) приравнивается, в смысле именно внешней инобытийности, к другой (той, которая внутри четверки). Внешнее приравнение обоих инобытийностей и *превращение их в единую инобытийную последовательность и есть сущность сложения и вычитания.*

ф) Во всем остальном сложение и вычитание ничем не отличаются от обыкновенного счета, как и самый счет ничем существенно не отличается от числа как такового. Иметь какое-нибудь число — значит считать в пределах этого числа. Основная функция числа есть функция разъединения и соединения, т. е. прежде всего счета. Поэтому число как число везде и всюду действует совершенно одинаково — разъединяя, различая и объединяя, отождествляя, т. е. прежде всего производя и обуславливая счетную сторону бытия. Поэтому можно не говорить специально о счетной функции числа в операциях сложения и вычитания, а достаточно просто говорить о *чисто числовой функции*, или о *чисто смысловой функции числа.*

3. Итак, сложение и вычитание есть функция числа в условиях внешнего взаимоотножденья его внутри-инобытийных элементов. Тут делается диалектически понятным и то «равноправие» слагаемых, с которого мы начали характеристику этих действий. «Равноправие» необходимо здесь именно потому, что оно-то и обуславливает собою

взаимоприспособленность двух (или нескольких) инобытийных рядов, когда оказывается возможным объединить их в одну и целостную инобытийную последовательность. Однако это равноправие, по установленному нами выше принципу, не может мыслиться как нечто пассивное и неподвижное. Само число есть всегда смысловая энергия, ибо оно всегда есть акт различения и отождествления, разведения и объединения отдельных элементов бытия; и невозможно мыслить пятерку без возможности и необходимости взаимоперехода одной единицы в другую в пределах этой пятерки. Но если число есть всегда смысловая энергия, то и его внутреннее инобытие, обуславливающее самую возможность счета, т. е. возможность самого числа, так же есть некоторая смысловая энергия. А поэтому и результат сложения и вычитания есть всегда результат смысловой энергии определенным образом функционирующего инобытия чисел.

4. а) Все эти рассуждения получают гораздо большую стройность и ясность, если мы применим к сложению и вычитанию тот структурный принцип, о котором говорилось в предыдущем параграфе, п. 4. Именно, каков принцип сложения и вычитания и как он *структурно оформляется*?

Принцип этот есть отождествление или различие нескольких отдельных, но в то же время непосредственно смежных становлений. Пусть это отождествление (различие) есть для нас некое самостоятельное *бытие*. Что это значит? Это значит, что мы приставляем, приделываем, как бы прикрепляем одно становление к другому. Было 6 единиц, и было 4 единицы. Теперь же мы приклеиваем становление 4 единиц к становлению 6 единиц. Это и есть *бытие* изучаемого отождествления.

Далее должно быть его *инобытие*. Это значит, что должен быть снят самый вопрос об отождествлении. Мы соединили конец одного становления с началом другого становления так, что получилось одно и единственное становление, и отныне мы уже забыли и о четверке, и о шестерке. Инобытие отождествления есть тот продукт отождествления, в котором уже невозможно различить отождествляемого.

Дальше мы — в сфере *становления*; это то, что открылось перед нами после отождествления. Мы должны теперь пройти по этому открывшемуся перед нами общему направлению. Мы должны начать *считать* полученные единицы, потому что счет и есть в данном случае становление. Но становление должно где-нибудь кончиться, завершиться, почерпаться, превратиться в *ставшее*. Ставшее, очевидно, есть *сумма*, самый результат сложения.

Но самый интересный вопрос в том, как же понимать *выразительную форму* сложения и вычитания. Что такое сложение и вычитание как выражение, как смысловая энергия, как эманация? С одной стороны, это должно быть чем-то самым основным, самым глубоким в сложении и вычитании, даже их *источником*; с другой стороны, оно должно быть чем-то максимально внешним, вышедшим наружу и силой, оформляющей и определяющей не только данный акт сложения или вычитания, но и все вообще возможные случаи этих действий. Что же это за энергия и что за эманация? Это есть *самый «плюс» или «минус»*, самая энергия

складывания и вычитывания,— наиболее глубокое и принципиальное и наиболее внешнее, актуально определяющее в этих действиях. В этих категориях плюса и минуса арифметическое действие, именуемое сложением и вычитанием, достигает своей последней диалектической зрелости, и все логические категории, из которых сплетаются сложение и вычитание, тут максимально сконденсированы и заострены.

б) Называя энергию числа смысловой (чтобы не подумали здесь об электрической, тепловой и пр. энергиях) и относя отождествление к сложению, а различение к вычитанию, мы можем выставить следующие диалектические формулы обоих рассматриваемых действий.

Сложение есть смысловая энергия *отождествления* внешне-инобытийных, но в то же время и непосредственно-смежных становлений.

Вычитание есть смысловая энергия *различения* внешне-инобытийных, но в то же время и непосредственно-смежных становлений.

с) Когда мы берем $6+4=10$, то происходит внешне-инобытийное *отождествление* внутри-инобытийной последовательности шестерки (или просто — последовательности, пути последования внутри шестерки) с внутри-инобытийной последовательностью четверки. Когда же мы берем $10-4=6$, то внутри десятки, или в плане внутри-инобытийной последовательности десятки, мы *производим различение* одной формы от другой, в данном случае — различение четверки и шестерки. В сложении энергия числа есть энергия перехода от различения к отождествлению внешне-числовых форм инобытия; в вычитании же энергия числа есть энергия перехода от отождествления к различению или, точнее, от отождествленного, самоотождественного — к различенному, саморазличающемуся. Сложение стягивает разные куски инобытия, превращая их из внешних в единое внутреннее содержание числа, сплавляя их в один кусок и превращая несколько прямых линий становления в одну прямую; вычитание же разрывает цельное и самоотождественное инобытие внутри числа, раскалывает его на отдельные куски, устанавливая, что одна форма отлична от другой в пределах этого инобытия.

В сложении и вычитании остается незыблемым само основание числа, тот экран, на котором выступают числа. Это как бы единый фон, на котором числа то появляются, то исчезают, в то время как самый фон остается незыблемым. Тут все числа глубоко индивидуальны и каждое имеет полнейшее право на свою индивидуальность. Сложение и вычитание есть пересчет всех единиц, входящих в разные слагаемые; и этот пересчет совершенно равноправен. С одинаковыми намерениями и с одинаковым заданием относится к единицам, входящим в отдельные слагаемые, тот, кто хочет сосчитать эти слагаемые. Сложение и вычитание обладают поэтому *зрительной природой*, т. е. тем свойством, когда субстанция самой вещи не меняется, а меняется только ее внешняя составленность, что и легко констатировать при помощи зрения. Тут мы фиксируем то, что происходит внутри идеи (суммы), появления и уничтожение отдельных ее элементов, но не задаем вопросы о судьбе самой идеи, т. е. идеи, взятой в целом. Рамка и фон, экран и самое основание, субстанция складываемых и вычитаемых элементов остаются неизменными; и все действие сложения и вычитания есть как

бы умственно зримая картина неподвижной вещи — суммы, внутри которой происходят те или иные различия или отождествления.

§ 117. Умножение и деление.

1. а) Совсем иначе обстоит дело в *умножении* и *делении*. Множимое и множитель, делимое и делитель различаются здесь не просто количеством, как могут различаться между собою слагаемые в сумме. Множимому и множителю принадлежат совершенно разные роли в общей операции умножения, как соответственно делимому с делителем. В сложении каждое слагаемое сохраняет свою индивидуальность, и роль всех слагаемых в общей сумме совершенно равноправная, кроме единственного — чисто количественного — различия. В умножении же *свою полную индивидуальность сохраняет только множимое*. Только о нем и идет тут разговор, и только о его судьбе и трактует умножение. Множитель здесь не имеет самостоятельного значения. Речь идет не о нем, но о множимом. Множитель только показывает, что случается или должно случиться с множимым.

б) Множитель — инобытие множимого не просто в количественном отношении, как, напр., 3 есть инобытие в отношении 2. Множитель не есть такая форма, которую мы отличили от всякой другой формы внутри данного числа. Такое простое отличие привело бы просто к фиксации того, что в десятке содержится, напр., шестерка и четверка, т. е. к операции сложения или вычитания. Множитель обозначает совсем другое.

с) Он, во-первых, не есть нечто просто внешнее или просто внутреннее в отношении множимого. Множимое есть цельная индивидуальность, и ни о каких ее внутренних различиях тут не ставится ровню никакого вопроса. Множитель указывает на судьбу *всего* множимого, множимого, взятого вне своих частей, как совершенно неделимая цельность. Стало быть, *множитель не есть только внешнее инобытие множимого*. Он указывает, что именно случится с множимым, когда оно остается внутренне неизменным, и что произойдет, если его поместить надлежащим образом в совершенно новую для него среду.

д) Во-вторых, как берется это внешнее инобытие, символизированное в виде множителя? Может быть, оно, оставаясь внешним, хотя бы в качестве внешнего мыслится здесь как равноправное с множимым? *Нет, нисколько*. В то время как множимое взято с полнотой своей индивидуальности, множитель указывает только, сколько раз взято это множимое со всей своей индивидуальностью. Индивидуальность самого множителя остается совершенно в тени, и он выступает только с своей скучной и формальной функцией быть вехой по пути движения множимого. Он берется только *как чистое инобытие*, ибо инобытие чего-нибудь, если оно берется в чистом виде, есть полная противоположность этого «чего-нибудь», т. е. полная противоположность его смысла, оно есть не *смысл* «чего-нибудь», а *факт* его. Факт, взятый в чистом виде, когда неизвестно, *чего* он факт, есть полная бессмыслица и противоположность смыслу. И реально факт *осмысленный* содержит в себе некий смысл, но зато он и не есть чистое инобытие смысла; это, наоборот, соединение и синтез смысла